

и культурной памяти. Таким образом обеспечивается преемственность, потому что без прошлого не может быть будущего. Воспоминания о муже и отце не были для прозаика просто источником творчества, они поднимались до мировоззренческих масштабов, поскольку в собственном прошлом непременно нужно найти ответы на важнейшие вопросы бытия, иначе человеческое существование теряет всякий смысл. К этому и сводится, на наш взгляд, роль интеллигенции в истории.

В 1960-е гг. научно-техническая интеллигенция имела большой вес в обществе: власть к ней прислушивалась, обывателю же ее представители казались небожителями, витающими в облаках формул и расчетов, обитающими в закрытых НИИ и лабораториях и обладающими привилегиями, недоступными простым смертным. И. Грекова приоткрывает читателю близкий и дорогой ей мир «технарей», мир под грифом «совершенно секретно», изображая честного, порядочного, с чувством собственного достоинства, смелого как в мыслях, так и в высказываниях героя. Причем раскрываются эти качества не в процессе научного творчества, а в повседневной жизни, именно в ней ярче всего проявляется, по мнению автора, современная нравственность.

Литература

1. Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. М., 1953. Т. 18.
2. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1972. Т. 10.
3. Грекова И. На испытаниях: Повести, рассказы. М., 1990.
4. Грекова И. Замысел: зарождение и воплощение // Лит. Россия. 1982. № 28. 9 июля.
5. Грекова И. По-настоящему писать о настоящем // Моск. новости. 1987. №24. 24 июня.
6. Е. С. Вентцель – И. Грекова. К столетию со дня рождения : сб. / сост. Р.П. Вентцель, Г.Л. Эпштейн. М., 2007.
7. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. М., 1971.
8. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Е.А. Левашов, Т.Н. Поповцева, В.П. Фелицына и др.; под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984.
9. Полетаев И. В защиту Юрия // Комс. правда. 1959. 11 окт.
10. Соколов А.В. Два поколения советской интеллигенции: шестидесятники и восьмидесятники // Мир России. 2007. № 7. С. 74–111.

11. Эренбург И. О воспитании чувств // Комс. правда. 1959. 24 дек.

12. Эренбург И. Ответ на одно письмо // Комс. правда. 1959. 2 сент.

Intelligentsia in the age of scientific and technological revolution (in the works by I.Grekova, 1960s)

On the basis of the works by I.Grekova of 1960s there is regarded the definition "intelligentsia" and its variety "intellectual technician"; revealed the connection of intellectual characters with the prototypes, representatives of scientific and technological intelligentsia of the age of scientific and technological revolution.

Key words: *I.Grekova, E.S.Ventsel, intellectual, technician, scientific and technological revolution, prototype.*

Л.В. ДОЛЖЕНКО
(Волгоград)

ВЗГЛЯДЫ В.В. БИАНКИ НА ДЕТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ КАК ТВОРЧЕСКАЯ САМОРЕФЛЕКСИЯ

Проанализированы взгляды известного отечественного писателя В.В. Бианки на детскую литературу, что дает основания для уточнения оценок творчества самого писателя. В настоящее время существует устойчивая традиция квалифицировать произведения писателя как научно-художественные, против чего он возражал еще при жизни. Анализ статей и дневников писателя, в которых он настойчиво и последовательно излагает свои взгляды, позволяет развеять устоявшиеся стереотипы в трактовке его произведений, что имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Ключевые слова: *детская литература, детское чтение, В.В. Бианки, детские писатели, познавательная литература, научно-художественная литература для детей.*

Творчество В.В. Бианки давно и по праву занимает достойное место в ряду классики детской литературы. Именно это обстоятель-

ство и делает насущным вопрос о современном прочтении наследия писателя. О Бианки написано достаточно много, статьи о его творчестве включены практически во все пособия по детской литературе, вместе с тем нельзя не признать, что до сих пор нет убедительного толкования одного из самых главных вопросов, связанных с квалификацией его творчества: Бианки – блестящий популяризатор биологических знаний или писатель. Представляется, что ответ на этот вопрос в значительной степени может быть прояснен, если проанализировать взгляды писателя на литературу. А.С. Пушкин, как известно, считал, что художника нужно судить по законам, им самим над собой поставленным. Приходится констатировать, что утверждения о статусе творчества Бианки ведутся вне контекста его идей, между тем как сам он много размышлял о писательстве вообще, о детской литературе, своем творчестве, специфике восприятия мира и литературы детьми. Сам Бианки считал себя писателем, художником, ибо не жизненный материал, отраженный в тексте, а способ его подачи определяет принадлежность произведения к науке или художественной литературе. В 1935 г. Бианки, не согласный с тем, что его произведения трактуют только как познавательные, излагает свое кредо в статье «Отчего я пишу про лес» [1, т. 4, с. 215 – 218]. Специалисты знают эту статью, часто цитируют, но почему-то трактуют весьма произвольно. Напомним, что в ней писатель подробно рассказывает о том, какую роль в его детстве сыграло знакомство с природой, какое эмоциональное воздействие оказало на него. Эта часть статьи, бóльшая по объему, буквально разобрана на цитаты, финальные строки тоже часто цитируются, но при этом (сила стереотипа?) решительно игнорируется то обстоятельство, что статья может быть верно понята только с учетом всего текста, а ее части будут адекватно интерпретированы только в контексте. Между тем статья завершается выводом, к которому стремится всем своим содержанием: утверждением о том, что оживить в тексте дневниковые записи и наблюдения может только художественное слово, согретое и расцветченное *чувством*, т.е. авторским отношением: «И вот я пишу рассказы, повести, сказки – про зверей и птиц, про охоту, про лес, *мою радость!* (курсив мой. – Л.Д.) [1, т. 4, с. 218]. Другими словами, писатель говорит о субъективном, подчеркнуто эмоциональном отношении к изображаемому, что и является характерным для художественной литературы, оживляющей и со-

гревающей в том числе и безмолвный мир. Эта тема проходит красной нитью в дневниках писателя, особенно в конце его творческого пути, когда он много времени был буквально вынужден (болезнь ограничивала его физически) отдавать самоанализу. Пожалуй, здесь будет уместным напомнить, что брат писателя Л.В. Бианки, выросший в тех же условиях, тоже любил природу, его воспитывали те же родители, но он стал ученым-энтомологом, чьими советами писатель часто пользовался и о ком говорил с неизменной любовью. Это разные способы проявления увлеченности одним предметом. Так, уже в конце жизни писатель сказал: «Наука есть “холодная обработка” фактов; искусство – “горячая” (то есть страстная, изменяющая “химию” объектов)» (Там же, с. 284). При этом В.В. Бианки отнюдь не отрицал роли знаний вообще и в художественном тексте в том числе. В лирической миниатюре «Поэт и соловей», которой он придавал программный характер и несколько раз переписывал с 1940 по 1958 г., утверждает, что писатель (поэт) должен знать то, что его восхищает и что он воспевает. «Наука и искусство – это две параллельные линии (пути постижения жизни), сливающиеся в бесконечности» (Там же, с. 335). Примеров слияния того и другого в творчестве человека он указывал лишь два – М. Ломоносов и В. Гете.

Важным компонентом художественного творчества Бианки считал знание жизни (при условии таланта, конечно), но, подчеркнем еще раз, он был против простого копирования действительности: «... натурализм – не искусство» (Там же, с. 233). Развитие этой идеи можно найти во многих статьях и заметках писателя. В статье «Борис Степанович Житков и его литературное наследие» (1939) он указывает на два типа писателей: «от литературы» и «от жизни». Самого Житкова Бианки относит, как понятно, ко второму типу; представители данного типа олицетворяют в его глазах *писательство*: «Жизненный опыт, “внутреннее давление” – свойственное человеку стремление передать накопленный личный опыт всему человечеству, в особенности же вооружить им вступающее в жизнь молодое поколение, – это внутреннее давление и заставляет таких людей писать, часто именно для детей писать» (Там же, с. 220). Только такой художник может выполнить высокую задачу: «Дело художника (писателя, вообще искусства) – учить людей смотреть. Смотреть и рассматривать» (Там же, с. 235).

Суждения Бианки о литературе в целом и детской литературе в частности основывались на его понимании природы детства, ее отличия от психологического статуса взрослого человека. В этих его мыслях просматривается явная связь с предшествующими этапами развития культуры, потому что здесь легко увидеть переключку со взглядами и Ж.-Ж. Руссо, и В.Г. Белинского. Кроме того, современная писателю психология уже много сделала для понимания природы детства. Не важно, знал ли Бианки теории своих предшественников, следил ли за развитием детской психологии. Главное, что его суждения были органической частью попытки человечества разгадать феномен детства. Даже если он всего этого не знал, его вклад в постижение проблемы не отменяется, а подчеркивает объективный характер ее понимания, во всяком случае, объективные тенденции процесса. Бианки утверждал: «Мы – взрослые люди – живем умозрительной жизнью, отличной от жизни природы и во многом ей противопоставленной. Другое дело – ребенок. Бессознательной жизнью цветов и птиц и всех детенышей млекопитающих живет новорожденный человек – маленькое млекопитающее» [1, т. 4, с. 224]. Другими словами, взрослые люди по преимуществу рациональны, ребенок же не может руководствоваться разумом, он ведом эмоциями, поэтому, утверждает писатель, ребенок живет в природе «играя и радуясь». Он понимает язык цветов, птиц, деревьев, другими словами, язык природы (Там же, с. 225, 253).

Размышления писателя о сущности детства не фрагментарны, они представляют собой звено в системе его взглядов. Бианки полагал, что способность любить и понимать язык природы демонстрируют лишь взрослые, сохранившие в душе ребенка. К таковым он относил *поэтов*. Прочитав запись писателя в дневнике, которая больше похожа на белый стих: «Что надо сохранить от ребенка в душе взрослого? / Широко раскрытые на мир глаза. / Непосредственность ребенка. / Горячую на все отзывчивость. / Чистоту помыслов. / Мечту. / Доверчивость. / Мироощущение поэта: жизнь – сказка. / Восхищение первооткрывателя мира. / Мира восторг беспредельный. / Доброту ребячью» (Там же, с. 297). Этот текст имеет характер декларации, которую излишне комментировать. Поэт близок ребенку, потому что он «пользуется для своей цели (то есть постижения жизни)... преимущественно методом организации в гармонию человеческих

эмоций...» (Там же, с. 334). Вот что сближает ребенка, поэта и литературу как вид искусства. По этому поводу у писателя есть прямые суждения: «Поэт похож на ребенка: он заново открывает для себя мир... Он верит своим чувствам, как дитя, и не ищет другого объяснения миру, чем то, которое подсказывает ему любовь к этому миру» (Там же, с. 226). Уместно напомнить, что сам себя Бианки называл жизнелюбом (Там же, с. 229).

Несомненный интерес представляют суждения писателя о художественных особенностях детской литературы. Бианки считал, что тематика книг для детей не может быть ограничена. При этом он ссылаясь на творчество Л.Н. Толстого и Г.-Х. Андерсена. Кроме того, в данном случае нельзя не увидеть переключку с идеями В.Г. Белинского. Другое дело, что идея произведения должна быть выраженной и прочитываемой ребенком: «Дело не в темах, – они для всех, а в кристаллизации их силами поэзии. Наибольшая – окончательная! – кристаллизация требуется в вещах для детей» (Там же, с. 343). Писатель указывал на Андерсена с его обращенностью к самым сложным вопросам человеческого бытия (жизнь, живое, вера, любовь, косность). История развития детской литературы иллюстрирует верность этой позиции.

Бианки размышлял над особенностями сюжетной организации книги для детей, подчеркивая в ней роль изобразительной точности. Большое внимание он уделял роли и характеру иллюстраций в книгах для детей разных возрастов. Писатель утверждал, что в самых первых книгах для ребенка должен быть материал для узнавания, младшему школьнику нужна иллюстрация к прочитанному, которая дает материал для собственных размышлений. Описанные рекомендации свидетельствуют о том, что Бианки видел в литературе прежде всего эстетическое явление и решал художественные проблемы. Это важно понимать для разрешения поставленного вопроса: имеют сочинения Бианки художественный или познавательный характер. Данной проблеме писатель посвятил краткую статью «Об антропоморфизме» и пространную запись в дневнике, которая не имеет названия и не датирована. Статья «Об антропоморфизме», написанная в 1951 г., активно цитируется критиками и биографами, но также избирательно, что приводит к искажению ее идеи. Статья эта появилась как отклик на неприятие педагогической критикой [7, с. 6] сказки и вымысла. На самом

деле в анализируемой статье Бианки совершенно справедливо призывает различать понятия «антропоморфизм», «художественная литература» и «природоведческая книжка». Позволим себе пространную цитату, дабы сохранить логику и стиль писателя: «... “антропоморфизм” есть всякая попытка объяснения действий не людей (животных, растений, неодушевленных предметов) так, как если бы это были люди со свойственным им одним на Земле сознанием и всей сложностью вытекающей из него психологии. “Природоведческая книжка” есть книжка, знакомящая читателя с природой, ее жизнью и (почти неизбежно) пытающаяся объяснить читателю эту жизнь, ее закономерности. Природоведческая книжка может быть чисто деловой – научной, учебной, справочной и т. д. – и может быть художественной» [1, т. 4, с. 243]. Далее писатель утверждает, что в деловой книге (к которой он относит научные и учебно-краеведческие книжки) антропоморфизма нет и не может быть. Другое дело – художественная литература: «Художественная литература есть, прежде всего, особый род искусства и в основе своей имеет поэзию – музыку – игру образов. Напоминаю давно признанную истину: так называемый “натурализм”, то есть прямое копирование, протоколирование жизни, не искусство и не может быть признан за художественную литературу. Но в понятие “краеведческих” и “природоведческих” книжек часто включают художественные произведения, если читатель знакомится в них с природой. При этом совершенно упускают из виду, что цель, задача художественных произведений совсем не в том, чтобы дать читателю некий комплекс научных (“объективных”) знаний о тех или иных животных, растениях и т. д., а в том, чтобы дать образ, субъективное, чувственное восприятие этих животных, растений и т. д. В художественной литературе антропоморфический образ животного, растения, даже неодушевленного предмета – чистейшая “правда”, глубоко верное изображение действительности: “паровоз устало пыхтит” – выражение, немислимое по своей неправде в науке, но совершенно правдивое в нашем чувственном восприятии подошедшего к станции паровоза» (Там же). Бианки иллюстрирует свои рассуждения примерами из произведений Пушкина и Пришвина. И подводит итог: «Итак, в природоведческой книжке “антропоморфизм” недопустим, а рассказы художника, поэта о животных, растениях и вообще о природе лучше “природовед-

ческой” книжкой не называть, так как природоведение – наука, а художественная литература – искусство... Искусство – лишь игра в действительность [1, т. 4, с. 244].

Это мнение культурного и образованного человека, основанное на ясных методологических позициях. Из данной статьи понятно, что свою деятельность писатель относит к художественной литературе, искусству, поэтому антропоморфизм в его произведениях вполне оправдан.

В дневниковой записи, которая явно перекликается с рассмотренной статьей, Бианки продолжает развивать свои идеи. Он исходит из главного постулата о том, что форма и содержание в искусстве едины, поэтому в одном тексте не может быть науки и искусства: «Никакой “научно-художественной литературы” не существует. Существует наука и существует искусство. Мы без затруднения различаем произведения того и другого... Наука стремится к возможно большей объективности подачи материала, искусство – к наибольшей эмоциональности и субъективности» (Там же, с. 340). Эта мысль писателю очень дорога и важна, она, как показано нами, проходит через все рассуждения писателя о литературе. И далее резкое и совершенно определенное суждение, связанное, конечно, с попыткой отстоять свою позицию и – шире – роль в литературном процессе: «Всю жизнь свою я посвятил борьбе с этим ублюдком человеческого творчества – научно-художественной литературой! Каждой своей книжкой, каждым рассказом, каждой статьей и сказкой, – худо ли, хорошо ли, успешно или нет, – я всегда старался доказать, что любой научный материал может быть вобран в художественное произведение, что средствами искусства можно одновременно обогатить ум и душу человека (ребенка)» (Там же). Напомним, что за несколько лет до появления статьи Бианки в ходе дискуссии о сущности, роли и месте познавательной книги в детском чтении С.Я. Маршак высказал плодотворную мысль о том, что художественной литературе нельзя отказывать в познавательности и наоборот – что литература должна быть обращена и к интеллекту и эмоциям ребенка [6, с. 515]. Бианки в своей позиции весьма последователен. Он утверждает: «Какая наивность думать, что так называемые “популярные” труды Тимирязева по ботанике, Ферсмана по геологии – и есть “научно-художественная литература”! Вдумаемся в их

о б р а з н ы й чистый русский язык, присмотримся, как строят (компонуют) каждую фразу своих трудов эти писатели-ученые, чем заинтересовывают они читателей – и убедимся, что их труды ч и с т о х у д о ж е с т в е н н ы е произведения, где цель – передача читателям знаний (единственная цель у всех произведений искусства и науки) – достигается чисто художественными средствами, средствами искусства» [1, т. 4, с. 341]. Вероятно, данное утверждение нельзя признать бесспорным, но нельзя не заметить, что взгляды писателя являются последовательными, концептуальными и дают основания классифицировать его собственные произведения как *художественные* на основе авторской позиции, в полном согласии с которой он всегда называл художественную литературу, подчеркивая ее эстетический характер, поэзией.

Только в таком контексте может быть во всей глубине истолкована мысль писателя, изложенная в самом конце его дневника:

«Раньше я говорил:

– Стараюсь писать так, чтобы доступно было и взрослым.

Теперь смело утверждаю:

– Никогда я ничего для детей не писал. Писал только для взрослых, сохранивших в душе ребенка» (Там же, с. 342).

Перед нами, конечно, попытка самооценки, основанная на утверждении эстетического характера творчества и вытекающей из него многоуровневости художественного текста, поливалентного по своей сути. В данном случае подчеркиваются двуадресность творчества писателя и значимость проблематики. Это принципиальное обстоятельство должно обязательно учитываться интерпретаторами

творчества писателя, иной подход приводит к искажению авторской позиции.

Литература

1. Бианки В.В. Собрание сочинений в четырех томах. Ленинград : Дет. лит., 1972 – 1975.
2. Гроденский Г. Виталий Бианки: критико-биографический очерк. 2-е изд., испр. и доп. М. : Дет. лит., 1966.
3. Дмитриев Ю.Д. Рассказы о книгах В.Бианки. М. : Книга, 1973.
4. Долженко Л.В. Рациональное и эмоциональное в русской детской литературе 50 – 80-х гг. XX в. (Н. Носов, В. Драгунский, В. Крапивин). Волгоград : Перемена, 2001.
5. Жизнь и творчество Виталия Бианки: Статьи. Воспоминания. Публикации. Письма. Библиография. Л. : Дет. лит., 1967.
6. Маршак С.Я. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худож. лит., 1968 – 1972. Т. 7.
7. Путилова Е.О. Очерки по истории критики советской детской литературы. 1917 – 1941. М. : Дет. лит., 1982.

Views of V.V.Bianki on children's literature as creative self-reflection

There are analyzed the views of a famous Russian writer V.V.Bianki on children's literature, which allows more accurate estimation of the writer's creative work. Nowadays there is a strong tradition to consider the writer's works as scientific and fiction, to which he objected. The analysis of the writer's articles and diaries, in which he states his views persistently and logically, allows dispelling the fixed stereotypes in the interpretation of his works, which has both theoretical and practical meaning.

Key words: *children's literature, children's reading, V.V.Bianki, children's writers, educational literature, scientific and fiction literature for children.*

